

Через межу — эпизод 1 из 5

— Бакенщик! Телята тут ходят?

Круглолицый парень, усердно обстругивавший черемуховый прутик, даже вздрогнул от неожиданности и быстро повернул голову.

На тропинке, по которой он обычно поднимался от реки к лесу, стояла женщина с корзинкой. Женщина была в лаптях, в сарафане неопределенного «старушечьего» цвета и в белом, повязанном уточкой платке. Будничный крестьянский наряд, однако, казался малоподходящим к яркому лицу и всей стройной, ловкой и подвижной фигуре. Парень даже застыдился своей выгоревшей на солнце рубахи и обтрепанных галифе защитного цвета.

— Глухой, что ли? Тебя спрашивают. Телят видел тут около будки?

— Ходят какие-то. Каждый вечер около будки спят.

— Сколько их?

— Да пять голов. Не прибыло, не ubyло. Днем где-то по лесу путаются, а как вечер, так сюда и вылезут. Грудкой тут и спят. Видно, около человека им веселее.

— Один живешь?

— Один.

— Тоскливо, поди?

— Приходи вечерком. Сама увидишь, тоскливо ли.

— Замолол, — строго остановила женщина. — Его добром спрашивают!

— Что больно сердита?! Пошутить нельзя.

— Худые твои шутки. Человека в глаза не видал, а сейчас языком повел куда не надо.

— Ты и познакомься, чем ругаться. Подходи поближе, посидим, поговорим. Ты мне, я тебе расскажу, вот и выйдет знакомство. Не к спеху тебе с ягодами-то.

— Ласкобай ты, гляжу! Научился девок подманивать.

— Не ходят тут. Когда и появятся, так грудкой. Куда мне. Лучше постарше, да одну. Спускайся. Не скажу мужу-то.

— Нет у меня мужика. Вдова я.

— О-о! Тоже невесело живешь? Самая пара мне, горюну. Иди — чайку попьем. Ягоды твои, еда моя. Воды принесу, огонек готовый. Ладно?

— Дешевкой хочешь обойтись...

— Подкину коли. Для молоденькой не жалко. Чай у меня всех сортов. Фамильный... поджаренная морковка из бабкиного огорода, и фруктовый есть — земляничный, брусничный, черничный... Из прошлогоднего сору граблями нагреб. Куча! Густо заварить можно. Сахар есть. Из паренок конфетки вырежем. Не хуже шоколадных. Иди!

— Ну-ну, язык у тебя бойко ходит, — улыбнулась женщина и стала спускаться по песчаной тропинке к будке.

Будка бакенщика ничем не отличалась от сотен других, поставленных вдоль берегов многоводной, но все еще пустынной северной реки. Место выбрано на пригорке, чтобы можно было хорошо видеть все опознавательные знаки участка: два бакена, две вехи и перевальный столб. Ниже к берегу, вправо, на серой широкой полосе гравия блестело водяное окно. От него до воды тянулась мокрая дорожка. Это безымянный ключ. От него и будка называлась — «У ключа».

Водная равнина блестит миллионами маленьких зеркал, будто плавится под горячим июльским солнцем. Глаз отдыхает лишь на кудрявой кайме противоположного низкого берега. На всем огромном просторе, который охватывает глаз, ни одного признака жилья. О человеческой жизни говорят лишь сигнальные знаки на реке и берегу, да внизу маячит дымок.

Не скоро придет этот пароход. Он еще будет приваливать у деревни Котловины, которая скрылась за лесистым мыском. До этой пристани от будки считается шесть километров. Выше по реке, в пяти километрах, целый куст мелких деревушек, домов по двадцать — тридцать каждая. Но ни одной из них тоже не видно из-за леса и прихотливых извивов береговой линии.

Будка пришлась почти в центре пустынного лесного участка, который тянется вдоль берега километров на десять-одиннадцать от Нагорья до Котловины.

Лес этот раньше, до революции, принадлежал «большим барам» Шуваловым и назывался гордым именем охотничьего заповедника. На самом деле это была

только громкая марка. У самого берега на высоком песчаном гребне растет действительно великолепный лес, а дальше по «нотным» местам уже начинался мендач, переходивший в корявую болотную растительность. Цепь торфяных болот и сделала этот участок заповедником.

Подойдя к крылечку будки, женщина спокойно протянула руку.

— Здравствуй, балакирь! Звать-то не знаю как.

— Иваном кличут, а батька Савелий. Складывай, коли понадобится. Иные и Ваней зовут. На молоденьких не обижаюсь. По фамилии Кочетков. А ваше имячко как будет? — неожиданно перешел парень на вы и почему-то покраснел.

Женщина заметила этот переход и это смущение. В больших серых глазах промелькнули искорки довольства.

— Фаиной меня зовут... Фая.

— Фая хорошо, а Фаина вроде монашеского.

— Что поделаешь! Поп такое выдумал. Сама не выбирала.

— А по отчеству как?

— Никоновна, — быстро сказала женщина и, в свою очередь, смутилась. Парню показалось, что он понял причину смущения, но он сделал вид, будто ничего не заметил, и опять перешел на тон балагура.

— Вот и познакомились. Анкеты заполнены, только одной фамилии недостает. Иван Савельевич — Фаина Никоновна... Один холостой, другая безмужняя. Чем не пара? Хоть сейчас записывайся. Можно и без записи. Я на это пойду. Себя не пожалею.

— Знаешь, давай без баловства, — попросила женщина. — Не за тем пришла, чтобы пустяки слушать. Поговорим по-хорошему. Только напоил бы ты меня сперва. Вода, говорят, тут у тебя хорошая. Жарко...

— Это в момент. Самой холодной принесу. — И парень, ухватив с костерка большой жестяной чайник, захрустел босыми ногами по гравию.